

1

Жил на свете злой, как вша
Президент из США.
Был он жаден, туповат,
И, как водится, богат.
Не любил его народ,
А скорей наоборот,
Но с богатством шутки плохи,
И его терпели лохи.
Как-то утром, на рассвете
Весь нахохлен и сутул
Он в овальном кабинете
Тощим пальцем в глобус ткнул,
Выпил виски из канистры,
Дунул в пачку папирос
И военному министру
Задал каверзный вопрос:
«Как услышу слово «Русь»,
Так от злости весь трясусь!
Не от страха, я ж не немец,
И поэтому не срусь.
Но вот эта вот фигня,
Ох, не радует меня!
Мы ж великая держава,
А размером не ровня.
Вот, смотри, к примеру - лев.
Он сильней животных всех,
И размером, чай, не суслик,
Потому что это грех.
Мы ж любого завсегда
Расхреначим без труда,
А по площади поменьше
Этих гадов раза в два.
Вот прикинь без суеты,
Ты ж с ракетами на ты,
Почему б нам не оттяпать

Часть сибирской красоты?
Коль Тагилу ты не рад,
Крым есть и Калининград.
Там и климат поприятней
И попроще, в плане трат».
Пятизвездный генерал,
Чуть насупясь, отвечал:
«Я ж не против, вот те крест!
Только тут заминка есть...
В этом мутном регионе
Тоже воинов не счесть.
Поведём туда войска
И увязнем, как в песках.
Мне не веришь -
У французов сам спроси, как им Москва?»
Президент вдруг осерчал
И обидно отвечал:
«Ты давай решай проблему!
Тоже мне - историк хренов!
Срок тебе даю два дня,
Что б порадовать меня.
А не сдюжишь - твой косяк,
Знать и вправду ты дурак.
Как там щас в Гуантанамо?
Заждались тебя никак?»
Генерал как лист затрясся
И отчалил восвояси.

В первый день ушёл в запой
И вернулся чуть живой.
С кем совет держать прикажешь?
Может с будущей вдовой?
«Слышь, жена... Такое дело...»
Начал он свой спич несмело.
«Вообщем есть одна страна,
Что на карте всей видна,

Нужно чуть её обрезать...
А точнее - до хрена.
Если сделать не смогу,
Хрыч согнёт меня в дугу.
Я его приходы знаю -
Был министром, стал рагу».
Говорит ему жена:
«Я чего-то не рожна
Твой испуг не понимаю.
Это ж, вроде как, война?
А войной тебя пугать,
Как себя не уважать,
Всё-рано что пукнуть в лужу
И цунами ожидать».
«Не скажи, у всяких дел
Есть разумного предел,
Вот, с Багдадом и Кабулом
Я, к примеру, не робел.
Ну, а тут, жена, тоска -
Это ж, мать её, Москва...»
Вмиг супруга побледнела,
Крутит пальцем у виска:
«Вы, простите за жаргон,
С чем мешали самогон,
Что удумали такое -
На Россию с топором?
Ну, а если так свербит
Вам с судьбой сыграть в гамбит,
Надо действовать тихонько,
Без гранат, едрит-мадрид!
Отыщите молодца
С гордым профилем лица,
Сладкозвучного как ангел,
Но с душою подлеца.
Распиарьте, сделав вид,
Что он за народ стоит.

Пусть почаще лезет в драку
И побольше говорит.
Не жалейте компромат
На держащих власть ребят,
Пусть их мордами макает,
Как нашкодивших кутят.
Чтоб властям настал трындец,
В этом деле нужен спец,
Чем помои будут гуще,
Тем наваристой супец.
А потом лови момент,
Свой карманный президент
Штука помощнее бомбы,
Разорвёт хоть континент».
Рот разинул генерал,
Челюсть чуть не потерял.
Ай, да баба! С нею лучше
Развестись на всякий случай.
В слух же буркнул: «Данке шон!»
И помчался в Белый дом.
Президент с похмелья хмурый
Пил уныло политуру,
На министра глянул быстро,
Молча протянул канистру.
После двух глотков отважных
С мозгом был контакт налажен.
Вкратце бравый генерал
План супруги описал.
«Что ж, неплохо. И, заметьте,
Кандидат есть на примете.
Только, если выйдет лажа,
Будешь ты за всё в ответе.
Я - медийное лицо,
Президент, в конце концов,
Так что, если что случится,
Всё спишу на подлецов».

Весь наполнен позитивом
Генерал кивает льстиво.
Жизнь - параша, но пока что
Жив, скажи на том «спасибо».
А покамест с ЦРУ
В Белом доме рандеву,
Мы тихонько завершаем
Нашу первую главу.

2

Скажем сразу без прикрас -
Гады есть в любой из рас,
Есть и попрличней люди
В широте народных масс,
Но бывают времена,
Когда бедствует страна,
Так такое вылезает,
Что седеет сатана.
Ванька русским был рождён,
Но просил, чтоб звали Джон,
Видно в имени Ивана
Был какой-то моветон.
Умным был, бабло любил,
На юриста поступил,
Стал хорошим адвокатом -
Больно складно говорил.
Как-то утром на парковке
Встретил шеф и говорит:
«За кордон на стажировку
Полетишь». И он летит.
Там за рюмкой коньяка
Лэнгли длинная рука
Простака и зацепила,
Как рыбак сачком малька.
И домой вернулся Ваня
С пачкой зелени в кармане

И инструкцией нехитрой -
Затаившись ждать заданья.
Год прошёл, второй идёт -
Ваня болт на всё кладёт,
Офигительный прожект -
Деньги есть, заданья нет.
Вдруг звоночек по айфону:
«Фонд поддержки бадминтона.
Собирайтесь», - говорят, -
«С вами встретиться хотят».
Вот, непраха! Не свезло!
А, ведь, думал, пронесло.
В трубку он сказал при этом:
«Вы ошиблись абонентом!»
А в ответ из трубки лай:
«Ты нам Ваньку не валяй!
Вмиг сдадим тебя чекистам,
Так что быстро приезжай!»
Там, где был у Джона копчик,
Что-то сильно сжалось очень,
Пронеслись картинки жизни -
Стрёмно изменять Отчизне,
Но печально и нелепо
Также ссорится с Госдепом,
А остаться чтоб друзьями,
Нужно отработать мани.
Едет Ваня на поклон
К тем, кто любит бадминтон.

В славном городе Мытищи
Населенье - двести тысяч,
Так что для подпольной явки
Места лучшего не сыщешь.
Там под вывеской спортивной
Особняк стоит старинный,
В нём уже который год

Контра всякая живёт.
Те, кто властью недовольны
Дышат здесь весьма привольно.
Есть банкир, и есть поэт,
Есть политик и атлет,
Есть писатель и эколог,
Даже есть один проктолог.
В целом очень склочный люд,
Квинтэссенция иуд.
Ваня лишь туда попал
Сразу молчаливым стал -
Прежде чем вещать отважно
Присмотреться очень важно,
Что тут за электорат,
И вообще, о чём трывают?
А его и не пытали,
Лишь брезгливо изучали.
Лишний рот в семействе дружном
Нафиг никому не нужен.
За столом «друзья» сидели,
Горько пили, сладко ели,
Под «Блэк Лэйбл» и «Рокфор»
Шёл неспешный разговор.
Скушав дольку ананаса
Встал седой слуга Парнаса.
Как в богеме говорят,
Был он чуточку помят,
Но держался молодцом,
Не ударил в грязь лицом.
«Я вчера придумал стих!»
Зал почтительно затих.
«Врезал им всю правду-матку,
Раскатал от сих до сих!»
«Что ж, послушаем, дружок.
Я люблю твой едкий слог», -
Это толстого банкира

Был ленивый голосок.
«Значить так, живу в стране,
А страна моя в дерьме»,
Начал он свою поэму
На критической волне.
«Нет свободы ни хера,
Жизнь какая-то мура,
И похмелье с этой властью
Страсть как мучает с утра.
Надо всё к чертям сменить,
Отобрать и разделить,
Ну, а водку раз в пятнадцать
Помолясь удешевить».
«Браво!» - каждый прокричал,
Лишь проктолог промолчал,
Выпил разом полстакана
И башкою покачал:
«Твой дешёвенький памфлет,
Как вокзальный туалет,
Тот, что с месяц засорился -
Запах есть, а пользы нет».
«Я смотрю, ты знатный критик», -
Бойко в спор вступил политик:
«С миром муз незримым связям
Ты профессии обязан?»
«Пусть я жизнь провёл свою
С геморроями в бою,
Но в отличие от прочих
Сам же их не создаю!»
«Полно, братцы! Миру-мир», -
Поднял свой бокал банкир:
«Мы ж единая команда,
Нужен только командир.
Наши беды от того,
Что в натуре нет его.
Нам бы главный, мы бы славно

Победили хоть кого».
«Как показывает опыт,
С выбором немало хлопот», -
Грустно сплюнул на паркет
Небухающий атлет.
«А ты, кстати, прав, приятель», -
Поддержал его писатель.
«С демократией, друзья,
Нам, увы, никак нельзя.
Сколько раз голосовали,
Только каждый за себя.
Я, пожалуй, даже рад
Снова повторить обряд,
Если будет кем-то сверху
Утверждённый кандидат».
Все кивнули как один,
И тогда из-за гардин
Незаметно появился
Очень странный гражданин.
Весь с иголочки одет,
Цепкий взгляд, как клей-момент,
И в словах его негромких
Явно слышался акцент:
«Добрый вечер, господа,
Всем ли нравится еда?
Не разбавлен нынче виски?
Аппетитны ли сосиски?»
И казалось бы что он
Был бесплотен, как ООН,
Но при этом каждый дважды
Дал ему земной поклон.
«Вот и славно! Тру-ля-ля!
Значит, я летел не зря,
Нынче с вами, как с друзьями,
Изберём мы короля».
В миг погасли в зале свечи,

Стихло чавканье, и он,
Руки положив на плечи,
Сделал Ваню королём.
Жизнь изменчива порой,
Был никем, а стал - герой,
Если вам так будет легче,
Здесь конец главы второй.

3

Минул год, а то и пять.
Не люблю про даты врать.
Вообщем время пролетело
Так, что и не сосчитать.
Джон, кто йогурт кушал на ночь,
Стал теперь Иван Иваныч,
Нахлебавшись всяких дел
Ваня наш заматерел.
Плитку криво положили -
Значит, сразу мэру вилы,
Не припрятан ли завод,
Там, где рядом он живёт?
Воду отключили летом -
Видно, президенту где-то
Дал заданье, сукин кот,
Чтобы грязным был народ.
Запретили пить ночами?
Тоже непонятно Ване.
Значит не хотят иуды,
Чтобы размножались люди.
Словом, там, где разложение
И людское раздраженье,
Ваня мухой прилетает
На любимое варенье.
Дело к выборам, пора.
Бродят с ночи до утра

По столице и по весям,
Те, кто Ванин профиль весят.
Гордый взор, в очах укор,
Снизу надпись «Утин - вор!».
В этом месте снимем маски -
Наша быль простая сказка.
Как бы ни было печально
Совпадения случайны.
И ещё один момент,
Чтобы объяснить контент,
В этой «сказочной» России
Будет Утин президент.
Виктор Викторович Утин
Аж со школы был не трутень -
Если болен педагог,
Заменить его он мог.
Что там школа?! Он в роддоме,
Лишь увидел белый свет,
Чтобы роды были в норме,
Акушеру дал совет.
А в саду, когда директор
Вдруг, с инфарктом прихворал,
Он в свои ручёнки вектор
Педагогике принял.
Тихим голосом картавым
Стал он нянечек учить:
«Риту с Даней, в угол Славу,
А вот этого помыть».
И ответственность в ребёнке
Так зашкаливала, что
С мамой он стирал пеленки,
А с отцом чинил авто.
Все старушки на районе
Знали - он не подведёт,
Сумки донесёт до дома,
Через МКАД переведёт.

С институтом Утин ладил
И настолько был умел,
Что его сам ректор ставил
Академикам в пример.
Резюмируя всё это
Я скажу без лишних слов -
Стать российским президентом
Витя с детства был готов!
Ну, а то, что нет порядка,
И народу жить несладко,
Виноват не Виктор Утин,
А чиновники, по сути.
Ведь, в России, как склалось,
Как бы ни был царь тверёз,
Хочут гады-казнокрады
Расшатать земную ось.
Хоть на кол ты их сажай
И поместья отымай,
Всё у них одна забота -
Скоммуниздить где-то что-то.
Вот, для Джона и раздолье -
Интересно людям что-ли,
Как прекрасен президент,
Коль в кармане денег нет.
И в итоге, в первом туре,
В свете данной конъюнктуры,
С одинаковым процентом
Вышли две кандидатуры:
Джон и Виктор. Вся беда,
Что они, ведь, никогда
Не встречались, не общались,
Где-ж консенсусы тогда?
Слава Богу, был Зворыкин,
Он когда-то сделал лики
Тех, кто удалён от нас,
Достоянием общих масс.

Телевизор - это сила,
Если говорить красиво.
Вот и нашим кандидатам
Предстоят теледебаты.
Всё решит прямой эфир,
Ну, а если, кто забыл,
Повторю свою отмазку -
Это лишь простая сказка.

А в Останкино с утра
Шум и гам и суета.
Сотни камер мир направил
На словесный бой без правил.
Ведь, политика, она
Не дзюдо и не война,
Судий нет и нет конвенций,
И... вообще нет ни хрена.
Первым появился Джон,
С виду сам Алан Делон -
Элегантна, чуть небрежна
И причёска и одежда,
Что-то мудрое в глазах,
Тень улыбки на устах,
Словом, если б я был бабой,
Сгинул в розовых мечтах.
А уверенности в ём
Десять тонн и плюс галлон,
И смешные шутки шутит,
И с гримёршей шашни крутит.
Тут поймёт последний диктор -
Не того назвали «Виктор».
Впрочем, вывод делать рано
До исхода этой битвы.
«Едет!» - кто-то прокричал.
Джон тревожно замолчал,

Как бы ни был он прекрасен,
А дальнейший путь не ясен.
Вдруг, у утинских ребят
Есть на Джона компромат?
Ну, а даже, если нет,
Он ещё не президент.
Соответственно, его
Может сцапать ФСО.
Подведут собаку к паху,
Та унюхает тротил,
И куснёт туда, со страху,
Провод что б закоротил.
Скажем без обиняков,
Виктор Утин не таков!
Всей Россеюшке известно,
Оппонент играет честно.
Кавалергарду бодигардов
Гордо у ворот оставил,
Пальцем снайперам грозил,
В нарушение всех правил.
Все, кто были на канале,
Сразу инстинктивно встали.
Как восходят на престол,
Утин в студию вошёл.
Как коса срезает колос,
Прогремел негромкий голос:
«Буду краток. Добрый день!»
Промелькнула чья-то тень -
Это просто осветитель
Рухнул в обморок с софитом.
На него никто не глянул.
Виктор молвил: «Поднимите!»
Тут же тишины не стало,
Будто МЧС нагрянул,
Каждый сделал всё, что мог,
С этим телом бездыханным.

Не откроешь в небо дверцу
После ста массажей сердца
И искусственных дыханий -
Осветитель снова с нами.
Только это всё случилось,
Атмосфера разредилась.
Каждый занял своё место,
Как несушка у насеста.
В перекрестье объективов
Вышел дяденька красивый,
Сотрясатель всех основ
Знаменитый Воробьев.
Позитивен, неподкупен,
Эрудирован, как Утин,
Он всегда в сраженьях гуще,
Лучший наш телеведущий.
«В нашей студии, друзья,
Виктор, Ваня, ну и я
И сегодня содрогнётся
Вся российская земля!
А теперь по существу,
Голос дам по старшинству -
Виктор Викторович, что вы
Сообщить всем нам готовы?»
«Я порой не сплю, не ем,
Мысли только о стране,
Лыжи смазать забываю!
Вот какой разброд во мне.
Отчего же сей разброд?
Спросишь ты, честной народ.
От того, что мало время
Для задуманных свершений.
Ведь страна, она, как дама -
И прекрасна и жеманна,
Чтоб её уговорить,
Надо, братцы, не спешить.

Шаг за шагом, такт за тактом...»
Ваня вскрикнул: «Где же факты?!!
Ты её сто лет ласкаешь,
Иль совсем не понимаешь,
Если сам увяз во лжи -
Не отыщешь точку джи!»
Утин востепенно: «Ложь?!
Ты на чьё бабло живешь?
Иль всем данные представить
За последний твой платёж?!»
«Финансирует меня
Из Германии родня,
Там до НАТО дочь солдата
Стала бабкой мне когда-то»
«Ну, допустим» - молвил Утин,
«Хоть и полный бред, по сути.
Я продолжу? Чтоб не тратить
Драгоценные минуты.»
Все кивнули, даже Джон -
Понял оппонент силён,
Витю завалить с наскока
Мог бы только дикий слон.
«Всякий жаждет перемен!
И они придут... при мне,
Надо только, чтоб единство
Наблюдалось в стране.
Каждый мелкий демократ
Развалить державу рад,
Будь он слесарь, столяр, плотник,
Или даже депутат.
Я же призываю всех,
Чтобы был в стране успех,
Вновь меня назначить главным.
Трижды главным быть - не грех».
Джон невольно поперхнулся:
«Грех? Да ты не навернулся?

С детской горки ледяной
Прям о бортик головой?
Я напомнить буду рад,
Что вот этот кандидат,
Конституцию подправил.
И буквально год назад.
Раньше срока было два,
Дабы власть не подвела,
Он же циферку удвоил,
Чтоб решать свои дела.
Я ж гарантию даю,
Честь свою и жизнь свою,
После первой четверлетки
Будем, братцы, жить в раю!»
«Ты меня ругаешь зря!
Рай на небе - здесь земля!
Чтоб из Мончегорска сделать
Елисейские поля,
Надо сотню лет пахать,
Никогда не отдыхать,
И буквально три минутки
В сутки будет, чтоб поспать».
«Испугал!» - ответил Джон, -
«Я тебя спросить должен,
Что ж ты бедный наш страдалец
Снова лезешь на рожон?
Отдохни и отоспись,
И всё будет зашибись.
Жизнь она ведь раз даётся,
Ты наверх не торопись.
Ну, а чтоб поставить точку,
Расскажу всем вам про дочку,
Не свою, что было б славно,
Не женат - делов по гланды».
Утин вздрогнул, сел на стул,
Даже Воробьев икнул

И сказал: «Быть может, как-то
Будем без семейных фактов?»
«Мы должны» - ответил Ваня, -
«Принимать всё во вниманье,
На кону не пачка «Явы»,
А огромная держава!»
«Тоже верно...», - Воробьев,
Как бы ни был он суров,
Захотел вдруг раствориться,
И к себе на дачу. В Ниццу.
«Здравый смысл ко всем вернулся» -
Джон печально улыбнулся
И достал в один момент
Очень странный документ.
«Кто-то там кричал: «Собака!
Ложь, хула, наветы, враки!»
А сейчас мы видим ксерокс
Соглашения о браке.
Анна Утина - супруга,
Чадо этого вот друга,
Господа, сейчас интрига -
Кто супруг?.. Лукашин Игорь,
Сын, для тех, кто здесь не в курсе
Президента Беларуси».
«Я не вижу криминала!» -
Кто-то выкрикнул из зала.
«Криминала нет, ребята.
Есть у документа дата.
День спустя случилось чудо,
Вроде, как бы, ниоткуда,
Списан миллиардный долг,
Что потратить каждый мог,
На учебу, на лечение,
И на детские качели,
Но наш щедрый кандидат
Угодить был свату рад,

И вот эти миллиарды
Не воротятся назад». Утин
встал, сказал: «Постой!»
Но потом махнул рукой,
И из студии он вышел
Со склоненной головой.
После этого, друзья,
Президентом быть нельзя,
Чтоб нам там ни заливали
Все поместные князья.
Как мне говорил отец:
«Если трусишь, всё, трындец».
На минорной этой ноте
Третьей здесь главы конец.

4
Все от мала до велика
Восхищались Джона ликом,
Когда в Кремль зашёл он гордо
С приторно довольной мордой.
Руку Утину пожал,
На прощанье приобнял
И ключи от кабинета
Беззастенчиво принял.
Вздвогнув, будто от укола,
Не сказав при том ни слова,
Виктор скорбно зал покинул
В нарушение протокола.
Ваня же пожал плечами,
Буркнул лишь: «Хозяин барин»,
И, воспользовавшись моментом,
Нацепил «Знак Президента».
И тогда сказал глава
Главного в стране суда,
Тихо возразив: «Ну, как бы,
Вам принять присягу надо».

«Наш народ», - ответил Джон,
«Так велик и так силен,
Что вот эти протоколы
Не нужны нам будут скоро.
Люди выбрали меня,
Я не царь, моя родня
Прозябала в низшем классе,
Нищим лишь была ровня.
И теперь, людьми выбран,
Я душою не погибну,
Если, вдруг, не зачитаю
Список клятв и глупых правил».
Без малейших провокаций
Зал утоп в волне оваций.
Лишь шепнул какой-то бездарь:
«Ё, моё! Ведь это Цезарь!»

Бездарь был он или нет,
Но российский президент
Стал из первого среди равных
Императором державы.
Как ни странно, год спустя
И в Москве и в областях
Жизни уровень поднялся,
Как над спасской башней стяг.
Наш посаженный король
Больно сильно вжился в роль
И страной стал править дерзко
Поперёк и даже вдоль.
Взял, без видимых причин,
И уволил всех мужчин
Из разряда управленцев,
Тех, кто были не по сердцу.
А назначил, лишь прогнав
Новых через полиграф,
Демократии основы

Наглым образом поправ.
И случилась ерунда -
Как-то резко все тогда
Взятки перестали брать,
Людям лгать и воровать.
Оказалось, что страна,
Где ресурсов до хрена,
С этой простенькой реформой
Быстро вновь приходит в норму.
Это - меньшая из бед,
Вместо ядерных ракет
Увеличить приказал он
Педагогике бюджет.
Вот, скажите, как такое
Может дать стране покоя?
Ведь учитель, он не атом,
Максимум - указкой в карту.
Дальше горше, медицину
Он на пьедестал воздвигнул,
Стали получать врачи
Фсбышные харчи.
Как держава, что велика,
Может обойтись без шпиков?
Это нонсенс, бред, пардоньте,
Как без семечек клубника!
Подлую явив натуру
Взял и снял со СМИ цензуру.
Стали говорить в эфире
Всё что думают о мире,
О проблемах, о зарплатах,
О бессмысленных растратах,
О чиновничьей корысти
И о глупости министров.
Это, лишь, начальный список,
Что наш юный «Цезарь» высек
На надгробии России,

Некогда могучей, сильной.

В Вашингтоне ликовали,
Целовались, руки жали,
А военному министру
В пять пудов медальку дали.
«До сих пор, я сам не верю,
Что мы укротили зверя,
Мордор пал! Виват, ребята!
Славьтесь, братья демократы!»
Он шампанского бокал
Как-то резко опрастал
И на президента дерзко
Посмотрел и приобнял.
Тот с плеча брезгливо скинул
Руку статного детины
И сказал брюзжащим тоном:
«Чай, у нас не именины!
Вы, конечно, все герои,
Радости своей не скрою,
Но, ведь, сделано при этом
Только пятьдесят процентов.
Посадили дурака,
Он ослабил их чутка,
Но вопросы территорий
Не решённые пока.
Вы поймите, господа,
Миллиард ушёл туда,
Где в ближайшем будуаре
В унитаэ течёт вода.
Где мой Крым, Калининград,
Тверь, Тагил и Волгоград?
Что скрывать, я Мончегорску
В этом смысле был бы рад».
«Сэр», - ответил генерал, -
«Я не всё вам рассказал,

У меня есть план могучий
Далеко вперед идущий.
Мы зажали их в тески,
И на кой страны куски,
Если сможем мы когда-то
Сделать всю Россию штатом?»
Президент не возражал,
От волнения задрожал,
И сказал: «С каким процентом
Гарантируешь мне это?»
«Сто! Ну, девяносто пять,
Надо только обождать,
Но терпенья, слава Богу,
С вами нам не занимать».
«Я, конечно, терпелив
В плане всяких перспектив,
Но хотелось бы конкретней
Слышать песни лейб-мотив.
Мне понравились проценты,
Но, скажи, как мы при этом
Вставить их в себя заставим,
Даже с нашим резидентом?»
Генерал ответил прямо,
Суть раскрыв своей программы:
«Я подбил тут пару чисел,
С курсом Джона Русь закиснет -
Бедность, голод, беспредел,
Все спецслужбы не у дел,
И народ спасёт лишь дружба
С той страной, что будет нужной.
Как Вы... понимаешь сам,
Это не Узбекистан,
И не Франция с Ямайкой,
Не Ливан, не Казахстан.
Это мы протянем руку
Тем, кто прибывает в муках,

Победив их тлен и бренность,
Отобрав, лишь, суверенность».
«Дерзко! Резко! Молодца!», -
Президент хлебнул винца
И с улыбкой богомерзкой
Плюнул на портрет отца:
«Миллионы ваши, батя,
Как нельзя пришлись мне кстати,
Но теперь, едрён батон,
Сам я, как Наполеон!
Или этот... Чингиз-хан,
Тоже знатный был пацан,
А, быть может, Македонский,
Или даже Тамерлан!»

Янки пили непомерно,
Что для них нехарактерно,
Где-то около недели,
И, при том, почти не ели.
В этом алкомарафоне,
Каждый третий в муках помер.
А в России обновленной
Ваня их решал проблемы.
«Что б ещё ввернуть такое
И лишить страны покоя?» -
Ночью мучился в азарте
Креативный «Мориарти».
Утром, вровень под омлет,
В мозг к нему пришёл комплект
Новых и коварных планов,
Стало быть - российских бед.
Первая была простая,
Как при помощи трамвая
Обезглавлен Берлиоз,
Так и всю казну - в навоз.
Увеличив вдвое траты

Поднял он в стране зарплаты,
Стали пенсии, чуть позже,
На зарплаты те похожи.
Со второй не так всё просто.
Он решил, что производство,
Сеть заводов, фабрик, строек
Экологию расстроит.
А дышать угарным газом,
Что не виден даже глазом,
Или в речке любоваться,
После смыть мазут пытаться,
Это выдержит не каждый,
И Америку однажды,
Где природа неизменна,
Всякий вспомнит непременно.
Третья так была огромна,
Что министр обороны,
Выслушав Ивана мысли,
От инсульта сразу помер.
Сбросив армию в обрыв
Ваня отменил призыв.
Дескать, очень актуально
Стать ей профессиональной.
Вот, скажите мне без врак,
Может я, пардон, дурак,
Как огромные владенья
Защищать без пополненья?
Это не участок дачи,
Даже сто солдат удачи
Заменить не смогут полк
Для поставленной задачи.
Впрочем, я не прав, друзья,
Здесь оказия моя,
Слишком я погорячился
И душой со сказкой слился.
Нам же, авторам безвольным,

Грех подобный недозволен,
Возвращаю взгляд дискретный
Вновь на горе-президента.

Время шло, но, вот напасть,
Карта вновь легла не в масть,
Привели реформы Вани
Русь к такому состоянью,
Что увидев наш прогресс,
Эмигранты из ЕС
Стали наполнять державу
С регистрацией и без.
Немцы, греки и испанцы,
И другие иностранцы
Захотели жить красиво
С пафосом и позитивом.
В чём причина? Надо, братцы,
С этим делом разобраться.
Скажем честно, по идее,
Джона глупые затеи
Сделать были бы должны
Отбивную из страны.
А по факту, ёшкин кот,
Вышло всё наоборот.
Воскрешенье производства
(Не реформа, а уродство!)
Вызвало не смерть природы,
А скорее чьи-то роды.
Экономика взлетела
До возможного предела.
Как грибы в корзину бабки
Понеслись в Россию бабки.
С увеличенной зарплатой
Всяк, кто был с утра поддатый,
Трезво стал смотреть на мир,
Думать, что в страну вложил.

Инженер, технолог, плотник,
И вообще любой работник,
Мыслить стали креативно
И работать эффективно.
Спросите, а как бюджет
С этой серией побед
Вынес всю нагрузку сразу
Не достигнув унитаза?
Здесь, друзья, как раз, всё просто,
Если все как Стивы Джобсы,
То бюджета дефицит
Превратится в профицит.
А для тех, кто в школе был
Неусидчив и уныл,
Поясню, когда пахаешь,
Денег много получаешь.
Хорошо. Страна богата,
Но вы спросите, ребята,
Кто ж теперь, едрид мадрид,
Это дело защитит?!
Ведь военный контингент
Меньше стал в один момент
В десять раз, а то и больше,
Как в Монако или в Польше.
Но и тут свои нюансы,
В драке у того есть шансы,
Кто завалит не числом,
А банальным мастерством.
Вместо щуплых новобранцев,
Что годятся лишь для танцев,
В строй вступили мужики,
У кого во рту клыки,
Груда мускул, сталь во взгляде,
Вообщем высшей пробы дяди.
Шварц, Сталлоне, Дуэйн Джонсон
Нервно курят папиросы.

И в итоге оказалось,
Что держава не распалась,
А, напротив, стала круче -
Изобильней и могуче.
Нет коррупции, растрат,
Каждый счастлив и богат,
Даже дворник получает
Меньше чуть, чем депутат.

В это время в Вашингтоне,
А точнее, в Белом доме,
Хмуро глядя в монитор,
Начал президент разбор.
Генерал стоял уныло,
Думая про казнь и пиво,
Адекватно представляя
Собственные перспективы.
«Знаешь, что, интриговёрт?
Я сказать хотел бы «ёбт»,
Но врождённая культура
Сделать это не даёт».
Тон у президента был
Подозрителен и мил,
А улыбка заставляла
Вспомнить старый фильм «Kill Bill».
«Завтра вызван я в сенат.
Это некий аппарат,
У кого на всё на свете,
Как бы, выписан мандат.
Отгадай, зачем зовут?»
Понял генерал - капут,
И с несвойственным наскоком
Выдал вот такой этюд:
«Я пахаю на тебя,
Как и вся моя семья...
Что семья! Страна пахает -

Ни хрена не понимает,
Восемь лет, а смысла нет,
Только крабы на обед
И «Шато», такого года,
Что уж лучше бы пил воду.
Ты же, мелкая брюзга...
Эх! Была б сейчас розга,
Отходил по тощей попе,
Верещал чтоб до Европы».
С президента в тот же миг
Спесь слетела, как парик.
Видно, форточку неплотно
Вечером прикрыл старик.
«Это... Как тебя там? Джек?
Ты ж нормальный человек,
Мы ж с тобой ещё в Ираке
Мощный сдюжили прожект.
Каюсь, быть могу не прав
Из-за этих вот отрав», -
Он качнул носком ботинка
Пирамиду из бутылок:
«А, по сути, я добряк.
Или скажешь, что не так?»
Генерал с багровой рожей
Взял за лацканы пиджак
И родного президента
Чуть приподнял над планетой.
«Ты уж, милый, не серчай,
А по пунктам отвечай!»
«Изложу. Не надо силы,
Скажешь мне потом «спасибо».
Дело в том, что мы старались,
Но маленько облажались.
Твой... ну, хорошо, пусть, наш
Импозантный персонаж
Сделал то, что не изменят

Ни война, ни шпионаж.
Он из праха и бурды
Русь легко вознёс туды,
Где в садах Семирамиды
Птички, рыбки и пруды.
Ну, а кто не хочет в рай?
Если знаешь, отвечай!
И давай меня тихонько
Вновь на землю возвращай!»
Генерал расслабил пальцы,
И заносчивый страдалец
Гулко плюхнул свои булки
На паркет с простым рисунком.
«А сенат решил пойти
По кратчайшему пути,
Где богаче, там и слаще,
Лучше места не найти».
«То есть?!», - генерал икнул
И кулём осел на стул, -
«Мы им станем подчиняться?
Я чего-то не воткнул».
«Все сентнаторы сейчас», -
Президент потёр свой таз, -
«Хочуть быть в составе Раши...
Вот такой расклад у нас.
Если я не соглашусь,
Выйдет-то, боюсь, конфуз.
Слышал что-то про импичмент?
Это нас коснётся лично».
«Ну, не надо заливать!» -
Генерал хлебнул раз пять
Из бутылки, что валялась,
И дорожке показалась.
«Я - солдат, людей защитник,
Ты же... форменный политик.
Отречение от власти,

Брат, не по военной части.
Довод бы твой проканал,
Если вспомнить трибунал,
Но за всю карьеру чести
Я армейской не ронял!»
«Вон!!! Гремучая змея!!!
Как же носит вас земля?!»
Президент движеньем резким
Показал на занавески.
Генерал ушёл, но в целом,
Этим не решил проблему.

Кто бы с кем бы ни бодался -
Референдум состоялся,
И решил российский люд
Дать Америке приют.
Жалко сирых и убогих,
Тех, кто не нашёл дороги,
Ведь все люди на планете
Отличаются немногим.
Каждый штат России дорог,
Ныне - федеральный округ,
И во внутренних делах
Не урезан он в правах.
И понятно, ведь, ребёнку,
Что при этом, потихоньку,
Страны все стянулись к нам,
Целиком и по частям.
Не скажу, что рай настал,
Слишком приторный финал.
Я скажу простую вещь,
Если раньше, кто не знал,
Президент ты или мент,
Есть ответственный момент:
Власть не сласть - не полизать,
А скорее всё отдать,

Тем, кого ты защищаешь,
Или за кого решаешь.
И ещё, копая ямы,
Призадумайся о карме,
Можешь сам туда попасть,
И уж ни причём здесь власть.
Слов закончился пакет,
К финишу пришёл проект,
А Филатову шлёт автор
Извиненья и респект!

PS:

Каждый знает, сказка - ложь,
Но намёков сколько хошь.
Может, правдой сделать надо
Мой посредственный гундёж?

